

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-81-3-188-193

РОМАН «ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПАНДЖРУД» А. Г. ВОЛОСА В ВОСПРИЯТИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

© Мина Сотудехфадафан, Артём Скворцов

THE NOVEL “RETURN TO PANJRUD” BY A. VOLOS IN THE PERCEPTION OF LITERARY CRITICISM

Mina Sotoudehfadafan, Artem Skvortsov

This article examines the novel “Return to Panjrud” (2013) by A. Volos, which holds a special place in the body of contemporary Russian prose dealing with the Eastern historical and cultural heritage. The author focuses on the artistic recreation of the poet Rudaki and the era of the Samanids. The narrative combines historical accuracy with philosophical depth. The article explores the structural features of the novel, the role of flashbacks and parables, the specificity of its style, and the author’s engagement with the poetic tradition of the East. Special attention is given to the critical reception of the text, particularly its interpretation by A. Salomatin who compares the novel with “Laurus” (2012) by E. Vodolazkin and highlights the unique role of both works in the development of the historical novel genre in 21st-century Russian literature. Volos’s novel represents not only an artistic engagement with the past, but also a philosophical reflection on universal themes – such as the relationship between the artist and power, time, human existence, and cultural memory. The purpose of the article is to identify the key features of A. Volos’s “Return to Panjrud” as an outstanding example of contemporary Russian historical prose that reconstructs the Eastern cultural and historical context of the 9th-10th centuries, and to determine the artistic devices, through which the author combines historical authenticity with philosophical depth. The study also aims to analyze the critical reception of the novel, especially in the interpretation offered by A. Salomatin, and to reflect on the role that “Return to Panjrud” plays in the evolution of the historical novel genre in 21st-century Russian literature.

Keywords: A. Volos, Return to Panjrud, Dja‘far Rudaki, Russian historical novel, Eastern culture, Samanids, literary criticism, A. Salomatin

В статье рассматривается роман А. Г. Волося «Возвращение в Панджруд» (2013), который занимает особое место в корпусе современной русской прозы, обращенной к восточному историко-культурному наследию. В центре внимания автора – художественное воссоздание образа поэта Рудаки и эпохи Саманидов. Повествование сочетает историческую достоверность и философскую глубину. Рассматриваются структурные особенности романа, роль флешбэков и притч, специфика стиля, обращение автора к поэтической традиции Востока. Особое внимание уделено критической рецепции текста, прежде всего интерпретации А. В. Саломатина, который сопоставляет роман с «Лавром» (2012) Е. Г. Водолазкина и указывает на особую роль двух текстов в развитии жанра исторического романа в России XXI века. Роман Волося представляет собой не только художественное обращение к событиям прошлого, но и философское осмысление универсальных тем – взаимоотношений художника и власти, времени, человеческого бытия и культурной памяти. Выявляются ключевые особенности романа А. Г. Волося «Возвращение в Панджруд» как заметного образца современной русской исторической прозы, воссоздающего восточный культурно-исторический контекст IX–X веков, и определяются основные художественные средства романа. Исследование также направлено на анализ критической рецепции произведения и на осмысление роли «Возвращения в Панджруд» в развитии жанра исторического романа в русской литературе XXI века.

Ключевые слова: А. Г. Волос, «Возвращение в Панджруд», Джафар Рудаки, русский исторический роман, восточная культура, Саманиды, литературная критика, А. В. Саломатин

Для цитирования: Сотудехфадафан М., Скворцов А. Роман «Возвращение в Панджруд» А. Г. Волося в восприятии литературной критики // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 3 (81). С. 188–193. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-81-3-188-193

В 2013 г. престижная литературная премия «Русский Букер» (а также «Студенческий Букер») была присуждена писателю А. Г. Волосу (р. 1955) за роман «Возвращение в Панджруд», произведение, ставшее плодом почти десятилетних размышлений и труда. Эта яркая книга повествует о жизни великого таджикского поэта Абу Абдуллаха Джафара ибн Мухаммада Рудаки (858–941), считающегося основоположником персидской литературы.

«Возвращение в Панджруд» – не только поэтичное и образное воссоздание эпохи правления династии Саманидов, но и произведение, в котором темы и внутренние конфликты прошлого соотносятся с реалиями современного мира, словно голос Рудаки, поднимающийся из глубин веков, и поныне звучит в душе читателя XXI в.

Роман Волоса выстроен с изысканной многослойностью: три параллельных сюжетных линии сплетаются в единое повествование, создавая объемный, человечный и исторически достоверный портрет поэта и его времени.

В первой линии мы следуем за пожилым и насильно ослепленным Рудаки, изгнанным из бухарского двора в результате религиозных и политических интриг. Он возвращается в родное село Панджруд, тихое горное место (ныне расположенное на территории современного Таджикистана, где находится могила и мавзолей классика). Его поводырь, шестнадцатилетний простодушный юноша по имени Шеравкан, со временем становится учеником главного героя, впитывая его мудрость и жизненный опыт.

Вторая линия переносит нас в бурное прошлое Рудаки – от детства и первых шагов в поэзии, музыке и науке до драматичных лет в окружении саманидских правителей. Но вслед за вершинами славы приходят ревность, придворные интриги, заключение, пытки и падение в бездну забвения.

Наконец, третья линия – это аналитическое и художественно насыщенное описание исторического фона. Волос повествует о становлении саманидского государства, о его выдающихся деятелях, военных походах, религиозных конфликтах, об идеологических противостояниях, что определяли судьбы ученых и мыслителей того времени. Эта линия придает роману масштаб и глубину, раскрывая перед читателем одно из самых сложных и блистательных времен в истории ирано-исламской цивилизации [1, с. 12].

Искусное переплетение трех повествовательных линий в романе не только породило многогранную композицию, но и позволило автору создать яркий, осязаемый и запоминающийся образ древнего Ирана с его социальной структу-

рой, культурной атмосферой и сложными отношениями между учеными мужами и придворной властью. С поразительным мастерством писатель переносит читателя в III в. хиджры (IX в. н. э.), эпоху тревожную и вместе с тем величественную, где культура, религия, политика и искусство соединяются в неразрывное целое.

Постичь и художественно отразить историю средневекового Востока – задача непростая и требующая большого труда. Сам Волос в послесловии к роману отмечает: «Поскольку я как писатель ставлю на первое место художественные цели, роман „Возвращение в Панджруд“ никогда не претендовал на научное исследование и никак не может быть источником новых и достоверных фактов с точки зрения реальности» [2, с. 639].

Тем не менее, благодаря реалистическому подходу, основанному на внимании к историческим фактам и психологии средневекового человека, писателю удается с высоким художественным мастерством связать далекое прошлое с настоящим так, что границы между эпохами и культурами словно стираются. Волос исходит из убеждения, что человек в своих глубинных проявлениях остается неизменным в своей сути независимо от века, в котором живет.

При создании «Возвращения в Панджруд» автор опирался на обширные знания и серьезный жизненный опыт. Родившийся и выросший в Сталинабаде, нынешнем Душанбе, он провел многие годы в культурном сердце Средней Азии и потому обладает тесной, коренной связью с языковыми, историческими и культурными слоями этого региона.

Работа над романом, растянувшаяся более чем на десять лет, стала плодом не только литературного дара писателя, но и результатом системного исследования. На пресс-конференции после получения премии прозаик отметил: «В процессе написания этого произведения и работы над ним я собрал информацию по литературе, которая каким-то образом относится к периоду, который я описываю; эта информация включает первоисточники и научные труды» [3].

Именно это редкое для современной русской литературы сочетание исторической эрудиции, глубокого знания среды и художественного чутья придает роману «Возвращение в Панджруд» смысловую насыщенность, достоверность и особую эмоциональную силу. Роман не только воссоздает прошлое, он делает его внутренне переживаемым, находя для него язык, понятный современному читателю.

Основу сюжета книги составляет возвращение Рудаки в Панджруд. Однако Волос, исполь-

зуя увлекательную форму повествования и постоянные флешбэки, превращает это печальное путешествие в мост для переосмысления жизни героя в целом.

Когда от творчества поэта до нас дошла лишь малая часть его стихов (около тысячи двустиший-бейтов из 180 тысяч), трудно ожидать, что все подробности его биографии будут подтверждены фактами. Сам автор отмечает, что во многих местах использовал свою фантазию для развития сюжета. Однако он подчеркивает, что старался придерживаться основных достоверных сведений из жизни Рудаки.

Важная особенность книги – ее язык. Волосу удалось создать литературный стиль, соответствующий образу Рудаки и его поэзии. Благодаря этому книга воспринимается не просто как биография, а как самодостаточное художественное произведение. В ходе повествования мы постоянно встречаемся с аллегориями, сравнениями, гиперболами, метафорами и другими выразительными языковыми средствами, более свойственными поэзии, нежели прозе, которые делают текст живым и увлекательным.

Начало истории сопровождается полетом орлицы над Рудаки и Шеравканом. Автор словно помещает камеру в глаза этой хищной птицы и, распространяя ее крылья, переносит читателя в мир Рудаки и его спутника:

«Самой ей некогда было бояться в зыблемом до самого горизонта стеклистом просторе, накрывшем неровную землю лазурным коллаком. Она подремывала, вольно бросив над прозрачной бездной широкие крылья и лениво отмечая неохватные течения теплого воздуха – одни относили ее к востоку, к предгорьям, другие (когда она уже оказывалась над темной прохладой ущелья и была вынуждена несколькими сильными махами поднять себя на десяток локтей выше) медленно влекли к западу, к бурому краю неровной степи» [2, с. 11–12].

Затем повествование переходит к воспоминаниям главного героя. Через флешбэк мы погружаемся в его прошлое от детства в Панджруде и учебы в Самарканде до достижения им титула «эмира поэтов» при дворе эмира Насра Самани.

В каждой главе книги автор опирается на знаменитые литературные произведения, вплетая в повествование различные притчи. Например, он обращается к сюжетам из «Четырех бесед» Низами Арузи, «Сиясет-наме» Низам аль-Мулька, «Калиле и Димне» Наср Аллаха Мунши и других источников. Эти истории передаются от лица Рудаки или других персонажей и органично вплетаются в канву сюжета.

Русский писатель превращает годы исследований и плоды своего воображения в создание персонажей и сцен, не зафиксированных в исторических источниках, в захватывающее путешествие по истории и географии Мавераннахра. На страницах двенадцати глав перед читателем оживают Самарканд и Бухара времен Саманидов, деревни и пустыни, караван-сарай, школы и базары, поля сражений и свадебные торжества, траурные церемонии и собрания поэтов. «Возвращение в Панджруд», рассказывая историю знаменитого поэта, одновременно знакомит читателя с историей, географией, обычаями и традициями жителей Мавераннахра.

Роман Волоса сразу после выхода вызвал интерес в литературной критике и литературоведении [1], [4], [5], [6], [7]. Наиболее значительным откликом стала статья А. В. Саломатина. Исследователь сопоставляет «Возвращение в Панджруд» с «Лавром» Е. Г. Водолазкина. Оба текста, как подчеркивает критик, обращаются к эпохе Средневековья, но прежде всего к вечным основаниям человеческого бытия, реконструируя внутренний путь героев через призму историко-религиозного контекста. Саломатин отмечает: «Оба романа заметно выделяются на фоне современной отечественной словесности, а „Возвращение в Панджруд“, возможно, и вовсе одно из лучших произведений, появившихся в русской прозе с начала тысячелетия» [6, с. 117].

Критик обнаруживает глубокую структурную и смысловую близость между романами: в центре каждого биография персонажа, представляющая собой путь искупления и преображения. В «Лавре» это житие русского лекаря Арсения, вся жизнь которого становится непрерывающейся попыткой искупить гибель возлюбленной Устины. В основе же «Возвращения в Панджруд» лежит апокриф о поэте Рудаки, история ослепления, изгнания, но и просветления – путь от земной славы ко вневременной.

Такое сопоставление позволяет рассматривать оба текста как современные вариации жанра жития, где центральным оказывается не столько исторический фон, сколько движение души через страдание, утрату и дар прозрения. Эта параллель, на наш взгляд, становится ключом к пониманию архитектоники обоих произведений, где через биографическое повествование проступает экзистенциальный масштаб – от личной трагедии к метафизическому смыслу.

Анализируя два романа, Саломатин выделяет ряд уязвимых характерных черт современной русской прозы, которых оба произведения полностью или почти полностью счастливо избегают: склонность к публицистичности, снижение

уровня литературного мастерства и «выключенность» из мирового культурного контекста.

Как отмечает критик, отечественная традиция в этом жанре исторически оставалась довольно хрупкой. Несмотря на многочисленные обращения к исторической тематике со стороны таких классиков, как Н. М. Карамзин, И. И. Лажечников, А. С. Пушкин, А. Н. Толстой и М. А. Алданов, полноценной жанровой школы, способной обеспечить устойчивое развитие исторического романа, в отечественной литературе так и не сформировалось. В противоположность западноевропейскому литературному процессу, где исторический роман прошел последовательные стадии развития и взаимодействия с иными жанрами и практиками, в России он часто оставался либо эпизодическим явлением, либо способом авторского переосмысления наследия отдельных писателей, как это можно наблюдать в творчестве Алданова, вступающего в диалог с Толстым [Там же, с. 100].

Особое внимание заслуживает замечание критика о так называемой псевдоисторической традиции, где исторический антураж выступает лишь фоном для приключенческого сюжета. От Ф. В. Булгарина до В. С. Пикуля этот тип прозы не столько стремился к воссозданию достоверной исторической реальности, сколько использовал ее как экзотическую декорацию. Современные постмодернистские авторы, такие как Е. В. Витковский или Л. А. Юзефович, во многом продолжают эту традицию, обращаясь, в отличие от западных коллег (например, Умберто Эко или Лоуренса Норфолка), скорее к массовому канону, нежели к глубокому интеллектуальному переосмыслению прошлого.

На этом фоне особую значимость приобретает появление в 2012–2013 гг. двух произведений, в которых историческая основа обретает подлинную литературную глубину. Как справедливо отмечает критик, Водолазкин и Волос предлагают не просто рассказы о прошлом, но философскую и духовную интерпретацию человеческой судьбы. Объединяет эти тексты не только биографический характер повествования и мотив пути, но и стремление к постижению универсальных смыслов, что позволяет рассматривать их как особое явление в современной русской прозе, знаменующее новый этап в развитии жанра исторического романа в отечественной литературе.

Саломатин связывает успех романа «Лавр» с его способностью «затронуть какой-то важный нерв в современном мироощущении», откликнуться на «глубинную потребность» [Там же, с. 101].

Несмотря на преимущественно благожелательное мнение о «Лавре» в критике, Саломатин

адресует роману ряд существенных замечаний. Его анализ местами довольно резок, но именно это позволяет выявить слабые места текста. Особенно важна мысль о «стилевой несогласованности» и нарушении внутренней логики повествования, что, по мнению критика, «естественным образом приводит к неясности авторской позиции» [Там же, с. 102]. Действительно, у читателя порой может возникнуть ощущение расслоения текста, где трагические эпизоды соседствуют с ироническими, а тональность повествования колеблется от возвышенной до нарочито грубой. Саломатин иллюстрирует это примером сцены, в которой трагедия и канцелярская сухость сталкиваются в одном абзаце, из-за чего читатель теряет доверие к происходящему [Там же].

«Лавр» Водолазкина при всей своей формальной принадлежности к историческому жанру по сути гораздо ближе к религиозной притче или философскому роману. Его медитативный ритм, повторы, нарочитая стилизация под древнерусский язык и, главное, стремление к духовному синтезу и преодолению времени приближают его к тому, что Саломатин называет «новым мифом» или «эсхатологическим романом» [Там же, с. 104].

В отличие от Водолазкина, роман Волоса «Возвращение в Панджруд», несмотря на поэтическое напряжение, скорее работает с разрушением целостности и человека, и мира. Он словно стремится воссоздать не столько фигуру поэта Рудаки, сколько ощущение немоты, распада и безвозвратной утраты. Повествование здесь равное, сознательно «разобранное» на голоса, сны и фрагменты воспоминаний.

Саломатин пишет, что «автор „Лавра“ отказывается от традиционной психологической мотивации поступков героя и вместо этого предлагает почти иконографический образ» [Там же, с. 106]. Это наблюдение особенно ценно, если сравнить «Лавр» с «Возвращением в Панджруд»: там, где один стремится к синтезу и гармонии, другой – к драме распада и утраты.

Важно, однако, что оба писателя работают с тем, что можно было бы назвать «новым сакральным»: они по-своему реагируют на кризис современного мира через призму истории, архетипа и метафизики, и, хотя их пути противоположны, оба пытаются заново нащупать смысл бытия, преодолевая постмодернистскую иронию и цинизм.

В романе Волоса мы сталкиваемся с совершенно иной моделью, чем у Водолазкина, моделью деструкции, возвращения не к «вечному», а к исчезающему. «Возвращение в Панджруд» построено как внутренний монолог, болезненное

движение памяти и сознания, направленное не к синтезу, а к осознанию боли и утраты. Это книга о невозможности восстановить целостность, о распаде, который становится единственным подлинным опытом. И если у Водолазкина герой «обретается» в преодолении времени, его «вечность» прорастает сквозь телесные и биографические метаморфозы, то у Волоса время не исцеляет, а дробит, и обретение здесь невозможно. Это особенно очевидно, если сопоставить финалы обоих произведений: там, где «Лавр» завершает путь в состоянии духовного очищения и даже апофеоза, Рудаки из «Панджруда» остается в слепоте – и физической, и метафизической.

В этом смысле герой Волоса действительно «странствующий слепец», но, в отличие от персонажа Водолазкина, его странствие не приближает к истине, а ведет вглубь неразрешимого. Примечательно, что критик подчеркивает: «...в „Лавре“ трагическое преодолевается не устранением страдания, а его принятием» [Там же, с. 110]. У Волоса же страдание невозможно ни преодолеть, ни преобразовать, оно остается неотменимым, не поддающимся трансформации в спасение.

Оба романа, несмотря на столь различную эстетическую природу, оказываются объединены стремлением к высказыванию о предельном. Однако пути этих высказываний диаметрально противоположны: если Водолазкин достигает сакрального через возрождение языка молитвы, архетипа, канонического образа, то Волос через разрушение поэтической формы, через слепоту, молчание, прерывание речи. Там, где один возводит слово до литургического звучания, другой оставляет его в тишине в бессилии говорить.

В конечном счете все это подводит нас к выводу, что анализ Саломатина позволяет увидеть в романах Водолазкина и Волоса не только художественные эксперименты с формой или обращение к исторической тематике, но и глубокий диалог с самой природой исторического и художественного мышления. Эти произведения представляют собой два противоположных, но равно значимых ответа на духовный и культурный кризис современности. Один – через стремление к восстановлению утраченной целостности, другой – через ее осознанное разложение.

Тем самым оба автора, каждый своим художественным методом, вносят вклад в формирование новой модели исторического романа в современной русской литературе, жанра, способного быть не только способом рассказа о прошлом, но и пространством философского, эстетического и экзистенциального поиска.

Историческая достоверность в «Возвращении в Панджруд», как подчеркивает сам Волос в по-

слесловии, уступает место художественной истине, где важна не столько фактография, сколько способность проникнуть в сущность эпохи и человеческой природы. Через флешбэки, сновидения, вставные притчи и поэтическую интонацию автор достигает редкого единства формы и содержания. Особое внимание к языку, насыщенному аллюзиями на персидскую литературу и философские тексты, усиливает впечатление от романа как от художественно-философского высказывания, где прошлое становится способом осмысления настоящего.

Критическая интерпретация романа, особенно в работе А. В. Саломатина, подчеркивает его значимость для новейшей русской литературы. Сопоставляя «Возвращение в Панджруд» с «Лавром», исследователь показывает общее для обоих произведений стремление к метафизическому осмыслению человеческого пути при всей противоположности художественных стратегий – синтеза у Водолазкина и распада у Волоса. Эти тексты формируют новый вектор развития исторического романа как жанра, открытого к философской рефлексии и экзистенциальному поиску.

Подводя итоги, следует сказать, что «Возвращение в Панджруд» представляет собой не только выдающееся произведение современной русской прозы, но и значительное художественное явление в рамках исторического жанра, обращенного к восточной культурной и философской традиции. Опираясь на сложную композиционную структуру, в которую включены три переплетенные сюжетные линии, автор создает глубокий и многогранный образ Рудаки, воссоздает атмосферу саманидской эпохи и открывает перед читателем духовный и культурный ландшафт средневекового Востока.

Роман А. Г. Волоса выходит далеко за пределы традиционного исторического повествования и превращается в своеобразный художественно-философский трактат, где Восток не просто антураж, но полноценный собеседник современности. Этот роман не только возвращает к жизни фигуру поэта Рудаки, но и утверждает ценность диалога культур, демонстрируя, как прошлое может становиться подлинным ресурсом для постижения настоящего, а литература пространством духовного движения сквозь время.

Список источников

1. *Оборин Л. В.* Зрение слепого поэта. За что Андрей Волос получил «Русский Букер» // Лента.ру. 2013. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/12/05/rudaki/> (дата обращения: 01.07.2025).

2. Волос А. Г. Возвращение в Панджруд. М.: ОГИ, 2013. 640 с.

3. Волос А. Г. Лауреат премии «Русский Букер» работал над «Возвращением в Панджруд» 10 лет // OTR-online.ru. 2013. URL: <https://otr-online.ru/news/laureat-premii-russkiy-buker-rabotal-nad-vozvrashcheniem-v-pandzhrud-10-let-16980.html> (дата обращения: 01.07.2025).

4. Логинов И. Андрей Волос. «Возвращение в Панджруд» // Вопросы литературы. 2014. № 3. С. 122–124.

5. Кудрин О. В. Поэт и тинейджер // Вопросы литературы. 2014. № 4. С. 196–206.

6. Саломатин А. В. Лекарь поневоле и странствующий слепец. О романах Евгения Водолазкина и Андрея Волоса // Вопросы литературы. 2015. № 4. С. 100–118.

7. Азизова З. Т. Культурно-национальная маркированность языковых единиц в романе Андрея Волоса «Возвращение в Панджруд» // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 3. С. 166–169.

Библиографический список

1. Водолазкин Е. Г. Лавр. М.: АСТ, 2012. 460 с.

2. Культура и искусство Namnak. (2024). О Абу Абдаллахе Рудаки // Namnak.com – 2024. URL: <https://namnak.com/about-abu-abdullah-rudaki.p79635> (дата обращения: 01.07.2025).

References

1. Oborin, L. V. (2013). *Zrenie slepogo poeta. Za chto Andrei Volos poluchil "Russkii Buker"* [The Vision of a Blind Poet: Why Andrey Volos Won the Russian Booker]. Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/12/05/rudaki/> (accessed: 01.07.2025). (In Russian)

2. Volos, A. G. (2013). *Vozvrashchenie v Pandzhrud* [Return to Panjrud]. 640 p. Moscow, OGI. (In Russian)

3. Volos, A. G. (2013). *Laureat premii "Russkii Buker" rabotal nad "Vozvrashcheniem v Pandzhrud" 10 let* [The "Russian Booker" Prize Winner Worked on "Return to Panjrud" for 10 Years]. OTR-online.ru. URL: <https://otr-online.ru/news/laureat-premii-russkiy-buker-rabotal-nad-vozvrashcheniem-v-pandzhrud-10-let-16980.html> (accessed: 01.07.2025). (In Russian)

4. Loginov, I. (2014). *Andrei Volos. "Vozvrashchenie v Pandzhrud"* [Andrey Volos. "Return to Panjrud"]. Voprosy literatury. No. 3, pp. 122–124. (In Russian)

5. Kudrin, O. V. (2014). *Poet i tineidzher* [The Poet and the Teenager]. O. V. Kudrin. Voprosy literatury. No. 4, pp. 196–206. (In Russian)

6. Salomatin, A. V. (2015). *Lekar' ponevole i stranstvuyushchii slepets. O romanakh Evgeniya Vodolazkina i Andrey Volosa* [The Reluctant Doctor and the Wandering Blind Man. About the Novels of Evgeny Vodolazkin and Andrey Volos]. Voprosy literatury. No. 4, pp. 100–118. (In Russian)

7. Azizova, Z. T. (2015). *Kul'turno-natsional'naya markirovannost' yazykovykh edinit v romane Andrey Volosa "Vozvrashchenie v Pandzhrud"* [Cultural and National Marking of Linguistic Units in the Novel by Andrey Volos "Return to Panjrud"]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. T. 21. No. 3, pp. 166–169. (In Russian)

Bibliography

1. Vodolazkin, E. G. (2012). *Lavr* [Laurus]. 460 p. Moscow, AST. (In Russian)

2. *Kul'tura i iskusstvo Namnak. O Abu Abdallakhe Rudaki* (2024) [Culture and Art Namnak. About Abu Abdallah Rudaki]. Namnak.com – 2024. URL: <https://namnak.com/about-abu-abdullah-rudaki.p79635> (accessed: 01.07.2025). (In Russian)

The article was submitted on 10.07.2025

Поступила в редакцию 10.07.2025

Сотудехфадафан Мина,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
mina_sotoude@yahoo.com

Скворцов Артём Эдуардович,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bireli@inbox.ru

Sotoudehfadafan Mina,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
mina_sotoude@yahoo.com

Skvortsov Artem Eduardovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bireli@inbox.ru